

Вырезка из газеты
СОВЕТСКАЯ ЭСТОНИЯ

г. Таллин

Я ДЕЛЮ книги на два больших разряда и, убежден, в этом не одинок. Первый, массовый — те, что читаются лишь однажды, пусть даже увлеченно. Их исчерпываешь узнаванием фабулы, знакомством с бытом и поступками персонажей. К ним нет нужды возвращаться. Это не обязательно плохие книги, они могут быть написаны мастером и звучать актуально. Просто они созданы умелыми литераторами, но не истинными художниками. В их элементарной сиюминутности нет зерна вечного. Они конечны (столько-то страниц от завязки до развязки), и к бесконечному постижению Человека и Мира не зовут и не ведут.

Второй, высший (увы, по крайней мере относительно малочисленный) — книги, которые перечитываешь, каждый раз открывая в них новое, незамеченное, неизве-

дательных годах одинокий художник Каспар Юкси, сброшенный на дно, в нищету за то, что посмел вступить за сына революционера, за то, что был честным в искусстве и справедливым в жизни.

Лилли Промет — тонкий лирик-акварелист, ее краски нежны и неброски. Ее картины далеки от плаката. При всей ясности и определенности нравственной позиции, она избегает прямой тенденциозности. Иногда кажется, что Лилли Промет изображает просто быт, повседневный быт маленьких людей, с их скромными горестями и радостями. Проблемы социального бытия, как бы таятся под коркой быта, чтобы взорваться в сознании читателя, когда чтение уступит место размышлению над прочитанным. Такова история Одинокого, обращающаяся историей гибельного подавления честного искусства в буржуазном

ласе прекрасно обставленная квартира, а в ней фотография красивого парня в немецком мундире с надписью: «Хельге от вечно любящего Ганса Мария фон Депке». Девушка, машинистка редакции, истосковавшаяся по всему красивому, обнаружила оставленную Хельге прелестную розовую шляпку. Зачем оставленную? И это открылось, когда взрыв потряс дом, и из мешанины обрушившейся штукатурки высунулась рука мертвой девушки со шляпой в руке. «...У несчастья так часто бывает красивое розовое обличье!»

Мне кажется, расширительно «Розовая шляпа» перекликается с другой новеллой «Герника».

Пабло Пикассо думает: «Какого цвета насилие? Какого цвета кипящая лава воплей? Ярость мщения и запах крови — какого они цвета?.. Какого цвета убийство?»

Краски молчат. И Пикассо дает слово символам и аллегориям.

Рассматривая скопище ужасов, офицер вермахта спрашивает:

— Это сделали вы?

— Нет. Вы! — ответил фашисту Пабло Пикассо.

Вот она — неразрывная связь между подлинностью жизни и высокой метафорой искусства.

К теме сопоставления красоты истинной и ложной Лилли Промет возвращается в повести «Девушка в черном» (по ее мотивам, кстати, был создан Вельо Кяспером одноименный фильм). События повести происходят в послевоенные, мирные дни. Драматическая пружина уже не во внешних событиях, а во внутренних переживаниях героини. У Саале, девушки в черном, умерла мать, умерла, отказавшись позвать врача, ибо единым своим врачом считала бога. И Саале посвятила себя богу, отказавшись от жизни, от веры в людей, от веры в красоту и счастье на земле. А в наследство от матери остался ей плотный стеклянный шар. Внутри этого шара был помещен райский сад, такой, каким он представлялся изрующим. Прimitивная иллюзия, созданная ремесленником, была для Саале идеалом прекрасного, недостижимого на земле. И только тогда, когда шар, случайно сброшенный на пол, разбился, Саале увидела, как ничтожен ветхий и блеклый мир, выстроенный в нем.

Пересказ упрощает. Голая метафора схематизирует мысль. Повесть сложна — она не только о ложной и подлинной красоте, не только о жестоком дурмане религии, она и о любви, и о доброй работе среди людей, о счастливым возрождении угасшей женской души. Но мне было важно в пересказе выделить идею и тему, которые, думается, так или иначе всегда волнуют писательницу Лилли Промет. Прекрасное — оно в акварелях эстонского лета с проблемами невысказанной чистой любви, в зарисовках кривых улочек, садов на террасах, потайных калиток Гуруза, в проникнутой тоской по родине графике Вийралья, живущего в Париже и рисующего тигра среди эстонских берез, в шалости земли, родившей картофелину, похожую на скульптуру женщины каменного века. И прежде всего, конечно, в людях наших дней, в тех из них, кто мыслит и творит.

Скажу в заключение: мне хотелось поделиться размышлениями, которые возникли при перечитывании прозы Лилли Промет, но я вовсе не пытался расставить веши, по которым обязательно должны следовать другие. В хорошую книгу много дорог, и каждый настоящий читатель находит свою. Важно только, чтобы дорога дарила находки, обогащающие душу. Это главное!

Григорий СКУЛЬСКИЙ.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЛИЛЛИ ПРОМЕТ

данное в движении мысли за чередами строк, в многозначности образов, в бесконечном стремлении постичь диалектику Мира и Человеческой души. Это книги не обязательно крупномасштабных, но обязательно истинных художников. Думаю, Лилли Промет принадлежит к их числу.

Однотомник «Шалости земли» (Москва, «Советский писатель», 1982 г.) — избранные повести, рассказы и миниатюры эстонской писательницы в достойных переводах Г. Муравина и В. Рубер, сохранивших, насколько могу судить, дух и ритмику оригинала, — предоставляет русскому читателю возможность перечитать подряд и постичь смысл того, что было создано Лилли Промет за последние четверть века.

Может быть, творческая программа писательницы наиболее четко и конденсированно выражена в новелле-притче «Стихотворец»: молодой поэт хочет прочесть свои стихи великому мастеру, но мастер предлагает ему прежде пройти по миру вслед за бегущим облаком. Там, где мастер видит цветение благоухающей земли, поэт не замечает ни единой розы; там, где мастеру каждый человек знаком со всеми своими искушениями и заботами, поэт воспринимает людей, как чужих, и чувства их оставляют его равнодушным; там, где мастер блуждает по саду воспоминаний, к пииту приходит осторожно-трезвая мысль о нежелательности таких блужданий: там, где мастер видит море времени, поэт — только обычное море. И так же со скорбью, радостью, болью одиночества, муками любви... И тогда мастер, беспредельно удивленный, спрашивает поэта:

— О чем же ты мог написать стихи?

Да, о цветении земли, о море времени, о всех скорбях и радостях человеческих, познав жизнь, в меру сил и таланта стремится рассказать Лилли Промет. Рассказывать, всегда веря в слова, вложенные ею в уста маленькой героини давней повести «Одинокий»: «Добро и красота — одно и то же», всегда помня о еще более важных словах другого героя той же повести: «Хочу, чтобы ты верил в идеи. Это главное».

Речь идет об идеях, доходящих светом из Советской России в буржуазную Эстонию, где жил и умер в трид-

мире. Такова и повесть «Кто распространяет анекдоты», где грозные и трагические события начала второй мировой войны, развязанной немецким фашизмом, отражены как бы в случайных, незначительных бытовых зеркальцах сознания маленьких людей, погруженных в житейские неурядицы пятнадцатой Эстонии.

Правда, здесь писательница, видимо, опасаясь, что быт возьмет верх над бытием, неурядицы над трагедией, контрастно перемежает новеллистические главы о будничных заботах, любви, радостях, дружбах, разладах жесткими курсивами газетных сообщений о Гитлере и Муссолини, о гибели Бельгии и крушении «Линий Мажино» (прием, унаследованный от Дос Пассоса и Хемингуэя), но и без жестких курсивов, из маленьких зеркальных отражений проступают судьбы мира.

Старая дева Гудрун Балдеспорт, с немецкой аккуратностью выносящая по утрам серые трупы мышей, некий Колман, дающий частные уроки, Анне Май, разочаровавшаяся в своем любовнике Максе, господин Эйлер, заметивший: «Пока моя жена завершит туалет, война будет окончена!». Женский врач Мозель, тихая и самоотверженная еврейская мать Рейзе... — вся их жизнь будто никак не связана с мировой катастрофой. Разве что анекдотами. Остроумными и едкими анекдотами о фашистских заправилах. Эти анекдоты распространяются, как веселая эпидемия. И вдруг — за анекдоты — преследования, за анекдоты — тюрьма... Вот так из мира малых зеркальных отражений перебарсывается мостик в громадный мир, отбрасывающий тень гибели.

Выше я писал, что для Лилли Промет красота и добро — одно и то же. Однако тем опасней спутать ложную красоту с истинной. Ибо если истинная — добро, ложная — зло!

Пожалуй, наиболее прямолинейно (нет, здесь слово «прямолинейность» — не упрек, а лишь указание на специфику военных новелл, где противостояние добра и зла, по жизни, лишено нюансов) развенчание ложной красоты выражено в «Розовой шляпе». Бежавший враг оставил разрушенный эстонский город. В одном из домов сохрани-